

Н. Долинина

Николай Ростов

Он вовсе не самый наш любимый герой в «Войне и мире». Много в нем чуждо и неприятно нам. Но то, что он чувствует, часто помогает нам понять себя, и многие его переживания очень нам знакомы.

Вот он едет в отпущен в Москву, уже въезжает и думает: «Скоро ли? Скоро ли? О, эти несносные улицы, лавки, калачи, фонари, извозчики!»

Мне всегда вспоминается Пушкин:

Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

У Пушкина так въезжает в Москву Татьяна, но ведь видит-то он сам, так он увидел Москву, привезенный туда фельдшером из ссылки в 1826 году, через двадцать лет после Николая Ростова.

Но и не только Пушкин. Разве мы все не так же нетерпеливо подъезжаем к родному дому, с умилением узнаем самые обычные предметы и огорчаемся, когда родной долгожданный дом стоит «неподвижно, нерадушно...» Так знакомо и то, что испытал Николай через несколько минут после приезда: «Ростов был очень счастлив любовью, которую ему выказывали: но первая минута его встречи была так блаженна, что теперешнего его счастья ему казалось мало, и он все ждал чего-то еще, и еще, и еще».

И эта естественная легкость, с которой он — офицер, взрослый мужчина — входит в свой детский мир; ему понятно и «сожжение руки линейкой для показания любви», и Наташина болтовня, и то, что она пыталась надеть его сапоги со шпорами, а Соня кружилась по комнате, раздувая платье,— все это, оказывается, было в нем все долгие месяцы под ядрами и пулями, а теперь ожило и расцвело.

Конечно, он уже мужчина — мы видели это под Аустерлицем. Но ничто вернее не доказывает, какой он еще мальчишка, чем его старанье утвердить свою взрослость. «Отчаяние за невыдержанный из закона божьего экзамен, занятие денег у Гаврилы на извозчика, тайные поцелуи с Соней — он про все это вспоминал, как про ребячество, от которого он неизмеримо был далек теперь. Теперь он — гусарский поручик в серебряном ментике, с солдатским Георгием, готовит своего рысака на бег... У него знакомая дама на бульваре, к которой он ездит вечером... Он дирижировал мазурку на бале...»

Весь этот приезд домой проходит под знаком самоутверждения, необходимости доказать всем и себе самому, что он взрослый, Соней ему заниматься некогда; у него мужские дела: обед в Английском клубе, дуэль Долохова с Пьером, карты, бега...

У старого графа Ростова другие заботы: перезаложить все имения, чтобы Никулушка мог завести собственного рысака «и самые модные рейтузы, особенные, каких ни у кого еще в Москве не было, и сапоги самые модные, с самыми острыми носками и маленькими

серебряными шпорами...» Потом старому графу приходится приложить немало сил, чтобы замаять участие сына в дуэли и пристроить его в Москве.

Николай всего этого не замечает, как не замечаем мы все забот родителей. Он не замечает даже того, что Долохов влюблен в Соню, — об этом сказала ему Наташа, которая не любит Долохова и чуть не поссорилась из-за него с братом. Но Николай занят своей мужской жизнью, большую часть времени он проводит вне дома.

И вдруг происходит крушение. Не пустяк, не мелочь — катастрофа. Долохов отлично знает, что значит для Николая проиграть сорок три тысячи, но он холодно мстит; он-то проиграл Соню!

Есть несколько сцен в «Войне и мире», которые невозможно толковать — только перечитывать и вспоминать свое. Такова сцена между Николаем и отцом после проигрыша. Мы видели все муки Николая в гостинице у Долохова, когда «вся игра сосредоточилась на одном Ростове», проигрыш рос; Николай «то молился богу... то загадывал, что та карта, которая первая попадется ему в руку... спасет его; то рассчитывал, сколько было шнурков на его куртке, и с столькими же очками карту пытался ставить на весь проигрыш...»

И бесконечно вертелись в его голове мысли — как у Пьера, когда он расстался с женой.

Но Пьер думал о добре и зле, обвинял себя, а Николай старался себя оправдать: «Я ничего не сделал дурного. Разве я убил кого-нибудь, оскорбил, пожелал зла? За что же такое ужасное несчастье?..»

Он сделал дурное — и за это ему такое несчастье. Но он никогда не поймет своей вины. Он виноват в том, что не умеет думать. Наташа чутьем поняла, что Долохов злой человек. У Николая не хватило на это чутья, а умом он понять не может; ум его не развит, он не умеет им пользоваться.

Да, он научился быть мужчиной в том понимании, какое ему доступно. Проиграв сорок три тысячи и услышав спокойное замечание Долохова: «А устаешь, однако, так долго сидеть», — он так же спокойно отвечает: «Да, и я тоже устал», хотя про себя думает: «Теперь пуля в лоб — одно остается». У него хватает достоинства не позволить Долохову рассуждать о Соне: «Моя кузина тут ни при чем, и о ней говорить нечего!»

Но, приехав домой, к отцу, он снова становится мальчишкой: «Папа, я к вам за делом пришел. Я было и забыл. Мне денег нужно».

Все, что он говорит дальше, так же безобразно, как: «Я было и забыл». Он понимает, что ведет себя постыдно, но уже не может изменить свой тон. Краснея, «с глупой, небрежной улыбкой, которую он долго потом не мог себе простить», развязным тоном Николай произносит:

«Что же делать! С кем это не случилось!»

В душе он считает себя «негодяем, подлецом, который целою жизнью не мог искупить своего преступления. Ему хотелось бы целовать руки своего отца, на коленях просить его прощения...»

Вы помните конец этой сцены? «Николай готовился на отпор», но отпора не было. Старый граф едва не умер, услышав про сорок три тысячи, но и здесь он остался собой.

«Да, да, — проговорил он, — трудно, я боюсь, трудно достать... с кем не бывало! да, с кем не бывало...»

Можно не любить Николая за многое, но здесь, в этой сцене, жалеешь и любишь его. «— Папенька! па...пенька! — закричал он ему вслед, рыдая, — простите меня! — И, схватив руку отца, он прижался к ней губами и заплакал».

Вернувшись в полк, Ростов «решил, что он в пять лет заплатит этот долг родителям». Может быть, это первое по-настоящему взрослое его решение; и он выполнит его, но жизнь пошлет его неискушенному уму новое испытание: случится беда с Денисовым.

Николай честный человек, мы много раз убеждались в этом. Он преодолел в себе трусость; он презирал себя, когда расхвастался у Бориса; он не только мучительно пережил свой проигрыш, но и нашел выход — ограничить себя во всем и вернуть долг родителям.

Да, он честен. Но оказывается, что быть только честным — мало, надо еще уметь размышлять и рассуждать, и делать выводы, а этого-то не умеет и потому не любит Николай.

Как честный человек он бросается на помощь другу: едет к Денисову в госпиталь и оттуда отправляется в Тильзит искать царя, чтобы просить его помиловать Денисова.

Колесо истории тем временем резко повернулось. Проиграв французам сражение при Фридланде, Александр I понял, что воевать с Наполеоном ему не под силу, и решил на дружбу с ним. Наполеону тоже была выгодна передышка. Оба императора встретились в Тильзите, имели долгую беседу, после которой объявили себя друзьями. Вчерашний враг императора Александра и рода человеческого, узурпатор, посланец дьявола Бонапарте сегодня стал царственным братом, императором Наполеоном. Борис Друбецкой, конечно, с легкостью принял эту перемену: в его доме уже собираются французские офицеры, пьют и веселятся — он считает это естественным.

Но Николай Ростов, приехавший к Борису поздно вечером, переполненный впечатлениями госпиталя, где никто не лечит живых и не убирает мертвых, озлобленный и огорченный делом Денисова, — Николай с его природной честностью не может смотреть на французов без враждебности. В эту встречу окончательно стало ясно, что Борис с Николаем разошлись навсегда и что рассчитывать на помощь Бориса в деле Денисова безнадежно. Оставалось одно: прорываться к царю. Случай помог — письмо удалось передать. Николай видел своими глазами, как появился царь, слышал своими ушами, как он ответил передававшему письмо генералу: «Не могу, генерал, и потому не могу, что закон сильнее меня...»

Казалось бы, Николай, убежденный в правоте Денисова, знающий, кто такой Телянин, должен возмутиться против всякого, кто не захочет восстановить справедливость. Но... «чувство восторга и любви к государю с прежнею силою воскресло в душе Ростова», и, когда царь «поехал галопом по улице, Ростов, не помня себя от восторга, с толпою побежал за ним».

Сейчас начнется торжественная церемония — демонстрация дружбы двух великих императоров.

Еще вчера стрелявшие друг в друга солдаты сегодня должны, по мнению своих повелителей, чуть ли не брататься и уж во всяком случае мгновенно почувствовать себя союзниками. Пароль назначается в один день: «Наполеон, Франция, храбрость», в другой — «Александр, Россия, величие»; Наполеон награждает храбрейшего из русских солдат (называют ему, разумеется, первого попавшегося) орденом Почетного Легиона; Александр в ответ посылает «Георгия самому храброму из французских гвардейцев...»

Отказ Александра I помиловать Денисова мог бы показаться справедливым; действительно, закон должен быть сильнее царя. Но на фоне всей этой лживой пышности, этого парада, этой дружбы с вчерашним врагом проступок Денисова кажется таким незначительным, а громкие слова Александра — такими лицемерными!

Даже Ростов чувствует неладное, в душе его — сумятица. «То ему вспоминался Денисов с своим изменившимся выражением, с своею покорностью и весь госпиталь с этими оторванными руками и ногами, с этой грязью и болезнями... То ему вспоминался этот самодовольный Бонапарте с своей